
Евгений Кампута
ПУГОВИЧНЫЕ ХРОНИКИ
ИЛИ
ПОСЛЕДНЕЕ “НЕЛЬЗЯ”
ОБЕЩАНИЯ
ПАМЯТЬ
ВОЗВРАЩЕНИЕ
ДОРОГА ДОМОЙ
ПОТЕРЯННЫЕ ОБЕЩАНИЯ
Иногда самое большое «нельзя» –
это любовь, которая не умеет сказать о себе иначе.

Евгений Кампута

Пуговичные хроники, или Последнее «НЕЛЬЗЯ»

«Автор»
2026

Кампута Е.

Пуговичные хроники, или Последнее «НЕЛЬЗЯ» / Е. Кампута — «Автор», 2026

Когда девятилетний Марк находит на улице маленького щенка, он шепчет ему: «Я обязательно вернусь». Но строгое взрослое «нельзя» закрывает перед ним дверь.В ту же ночь старый зонт уносит мальчика в Бредогорье — край, где дороги помнят шаги, потерянные вещи не чувствуют себя брошенными, а невыполненные обещания звенят в стеклянных банках. Здесь хозяйничает сбежавшее «Нельзя», уверенное, что мир должен быть серым и правильным.Чтобы спасти друга и вернуться домой, Марку придется подружиться с чудаковатыми жителями Бредогорья и разгадать главный секрет запретов. Ведь иногда «нельзя» бережет нас от беды, а иногда мешает слушать сердце.Теплая сказка для семейного чтения — о дружбе, смелости и верности своему слову.В этой книге вас ждут: Уютная атмосфера перед сном. Чудаковатые герои — от забывчивой Совуньи до Кота с прыгающим ртом. Глубокий смысл без нравоучений и ностальгическое послевкусие для взрослых.

© Кампута Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 10
Глава 3 16
Глава 4 19
Глава 5 28
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Евгений Кампута
Пуговичные хроники, или Последнее «НЕЛЬЗЯ»

Глава 1

Эта история произошла с самым обыкновенным мальчиком по имени Марк. Недавно ему исполнилось девять лет. Он учился в третьем «К» классе и очень любил, когда всё было сделано заранее. Поэтому ещё в пятницу, придя из школы, он сразу выполнил уроки на понедельник, чтобы потом отдыхать с чистой совестью.

А отдых для Марка означал только одно — игру. Настоящую, такую, после которой взрослые обычно хватались за голову. Именно поэтому к субботнему обеду посреди комнаты уже выросло целое сооружение из четырёх стульев, большого одеяла и невероятного количества фантазии. Для взрослых это была бы просто куча мебели под покрывалом. Но Марк-то прекрасно знал: перед ним — секретная крепость великого путешественника.

Под кроватью находилась пещера. Её пол был устлан вовсе не аккуратно сложенной одеждой, как почему-то считала мама, а самой настоящей шкурой поверженного мамонта. На стене, почти под самым потолком, сидел пластмассовый динозавр. Он смотрел вниз своими жёлтыми глазами и терпеливо ждал момента, когда Марк наконец выйдет из укрытия и начнётся решающая битва. Если бы мама только знала, сколько понадобилось попыток, чтобы посадить его туда, наверное, она бы всё равно рассердилась, но, может быть, совсем чуть-чуть меньше.

Дверь открылась. Мама остановилась на пороге. Несколько секунд она молча рассматривала комнату, потом глубоко вздохнула:

— Марк.

Из пещеры показалась взлохмаченная голова.

— А?

— Сколько раз я говорила? Нельзя строить посреди комнаты такие замки.

Марк удивлённо моргнул:

— Так это не замок. Это крепость. Про крепость ты ничего не говорила.

Мама уже собиралась ответить, но вдруг её взгляд опустился под кровать — туда, где лежала великолепная шкура мамонта. Точнее, ещё утром это были аккуратно выглаженные вещи.

— Марк!

— Что?

— Это же одежда!

— Сейчас нет.

— Почему нет?

— Потому что сейчас это — мамонт.

Мама закрыла глаза совсем ненадолго, потом снова открыла:

— Марк, нельзя так обращаться с вещами.

Он хотел объяснить, что вещи иногда становятся совсем другими вещами, но вовремя понял, что взрослые почему-то редко верят в такие превращения, и промолчал.

Именно в этот момент мама подняла голову и увидела динозавра.

— И игрушки к стенам приклеивать тоже нельзя.

— Мам, он же..

— Нельзя.

— Он совсем не..

— Марк. Нельзя.

Это слово прозвучало спокойно, без крика, но почему-то именно поэтому спорить стало ещё труднее. Марк вздохнул.

Мама немного смягчилась:

— И раз уж всё равно будешь убирать, вынеси, пожалуйста, мусор. Пакет уже полный.

— Ладно.

Он молча взял пакет, обулся и вышел во двор.

Во дворе было сыро. Мелкий дождь уже почти закончился, но асфальт всё ещё блестел. Марк подошёл к мусорным контейнерам и вдруг остановился. Прямо возле старого сарая сидел маленький рыжий щенок — такой маленький, что сначала Марку показалось, будто кто-то потерял пушистую варежку.

Щенок весь промок, дрожал и смотрел на людей так, словно очень старался понять, почему никто не останавливается. Марк медленно присел рядом:

— Привет.

Щенок поднял голову, осторожно подошёл и ткнулся холодным носом в его ладонь. У Марка защемило сердце.

— Ты чей?

Щенок ничего не ответил, только тихонько поскулил и ещё крепче прижался к его руке. Марк снял свитер, бережно завернул в него дрожащий рыжий комочек.

— Пойдём, — он осторожно прижал щенка к груди. — Сейчас что-нибудь придумаем, — и быстро побежал домой.

Марк почти бегом взлетел по лестнице. Одной рукой он придерживал свитер, другой осторожно прикрывал маленькую рыжую мордочку от ветра.

— Потерпи ещё немного, — тихо сказал он. — Сейчас согреемся.

Щенок тихонько сопел, прижавшись к нему. Казалось, он уже решил, что этому мальчику можно доверять.

Марк распахнул дверь.

— Мам! — крикнул он ещё с порога. — Иди скорее!

Из кухни выглянула мама:

— Что случилось?

Вместо ответа Марк осторожно развернул свитер. Из него показалась маленькая рыжая мордочка: мокрые ушки, тёмные глаза и крошечная веснушка на носу. Мама замерла:

— Господи..

Она подошла ближе, очень осторожно взяла щенка на руки. Он был совсем лёгкий, промокший, холодный. Несколько секунд щенок ещё дрожал, потом вдруг перестал, прижался к ней и тихонько вздохнул. Мама машинально улыбнулась совсем немного. Она осторожно почесала его за ушком.

— Ну вот, — тихо сказала она. — Совсем другое дело.

Щенок довольно прикрыл глаза. Марк уже начал улыбаться — ему показалось, что всё получилось.

В соседней комнате громко чихнули:

— Апчхи!

Мама вздрогнула. Улыбка медленно исчезла. Потом раздался ещё один чих. Она закрыла глаза совсем ненадолго, потом ещё крепче прижала щенка к себе, будто прощалась. И только после этого осторожно протянула его Марку. Но пальцы не разжались.

Несколько секунд они держали щенка вместе — мама и Марк. Никто не хотел отпускать. Потом её пальцы медленно раскрылись. Она вдруг заметила, что край свитера съехал, совсем

машинально поправила его, поплотнее укутала щенка, чтобы ему было теплее. Только потом тихо сказала:

— Марк.. — она замолчала, попробовала продолжить, но не смогла, лишь едва заметно покачала головой. — Нельзя.

Марк растерянно смотрел на неё:

— Но почему?

Из комнаты снова донёсся папин кашель. Мама посмотрела туда, потом снова на Марка:

— Ты же слышишь папу.

Марк опустил глаза. Конечно, слышал.

— Но он совсем маленький. Давай хотя бы до вечера или пока мы не найдём хозяина.

Мама снова посмотрела на щенка, погладила его по мокрой голове. Тот доверчиво лизнул её палец. Она грустно улыбнулась:

— Какой же ты хороший.. — потом глубоко вздохнула и снова бережно передала его Марку. — Мы не можем. Ты же знаешь, что у папы аллергия.

Эти слова были сказаны тихо, но Марк понял главное: сегодня щенок дома не останется. Он крепче прижал его к себе, медленно повернулся и пошёл к двери. Уже взявшись за ручку, он вдруг обернулся. Мама всё ещё стояла в прихожей, не двигалась и смотрела ему вслед, будто вместе с ним сейчас уходил кто-то очень дорогой. Марк тихо закрыл дверь.

Во дворе всё так же моросил дождь. Марк долго устраивал щенку маленькое гнездо: то расправлял свитер, то снова подворачивал края. Потом придвинул всё ближе к стене сарая — ему казалось, что здесь ветер дует чуть меньше. Он осторожно посадил щенка на свитер. Тот покрутился, свернулся маленьким рыжим клубочком, но глаз с Марка не сводил.

Марк сел рядом, совсем рядом. Он долго молчал, только гладил щенка по голове, потом по спинке, потом снова по голове. Щенок тихонько прикрыл глаза.

— Я думал, — наконец сказал Марк, — что мама разрешит. — Он немного помолчал. — Правда думал.

Перед глазами снова возникла мама: как она держала щенка, как улыбнулась, как чесала его за ушком, как потом долго не отпускала его из рук.

— Она тоже хотела, — совсем тихо сказал Марк. — Я видел. — Он снова замолчал, потом опустил голову. — Не знаю.. — ещё тише добавил. — Совсем не знаю.

Щенок подошёл ближе и осторожно ткнулся холодным носом ему в ладонь. Марк невольно улыбнулся совсем чуть-чуть. Он осторожно взял маленькую лапку — она почти целиком спряталась в его руке.

— Я приду. Честно. Что-нибудь обязательно придумаю. Ты только дождись меня. Обещаю.

Щенок ничего не понял. Он просто придвинулся ещё ближе и положил лапку поверх руки Марка, словно согласился. Марк осторожно погладил её большим пальцем.

— Значит, договорились.

Марк ещё раз посмотрел на маленький рыжий комочек.

Щенок тихонько чихнул.

Потом смешно фыркнул и так сильно распушил мокрую шерсть, что стал похож на маленький рыжий шарик.

Марк невольно улыбнулся.

— Какой же ты.. — он задумался. — Пушистый..

Щенок снова фыркнул.

— Нет, не просто пушистый..

Он ещё немного подумал и вдруг просиял:

— Пушин!

Щенок поднял голову, как будто услышал что-то очень важное.

— Точно. Пушин. Мне кажется, тебе подходит.

Щенок осторожно лизнул его палец.

— Значит, договорились.

Он ещё немного посидел рядом, потом медленно поднялся, сделал несколько шагов, остановился, обернулся. Щенок по-прежнему смотрел на него — не скулил, не просился на руки, он просто ждал.

— Я скоро, — совсем тихо сказал Марк и быстро отвернулся. Потому что ещё секунда — и он уже не смог бы уйти.

Когда Марк вернулся домой, в квартире было совсем тихо. Из кухни доносился негромкий звон посуды, пахло горячим какао. Мама ничего не сказала, она просто поставила перед ним большую кружку, рядом положила два мандарина. Папа всегда покупал их по выходным. Обычно Марк радовался им ещё с порога, сегодня он только посмотрел на них.

Потом медленно взял кружку обеими руками. Какао было горячим, от него поднимался лёгкий пар. Марк сделал несколько маленьких глотков, но теплее почему-то не становилось. Мама осторожно провела рукой по его волосам, ничего не сказала. Именно поэтому Марку стало ещё грустнее. Он поставил кружку на стол, тихо поблагодарил и ушёл в свою комнату.

Крепость всё ещё стояла посреди комнаты — такой же, какой он оставил её утром, будто ничего не произошло, будто где-то там, возле сарая, сейчас не сидел маленький рыжий щенок.

Марк медленно вошёл внутрь, постоял, потом заметил на полу динозавра — тот всё-таки отклеился от стены. Он поднял игрушку, повертел её в руках. Ещё утром она казалась настоящим хищником, теперь это был просто кусок пластмассы.

Перед глазами снова возник Пушин — мокрый, маленький, совсем один. Что-то горячее подкатило к горлу.

— Предатель, — тихо сказал Марк. Он сам не понял, кому это сказал: динозавру, себе или всему этому дню.

Через секунду злость вдруг вспыхнула так сильно, что он со всей силы швырнул игрушку об пол. Динозавр подпрыгнул, ударился о ножку шкафа и закатился под него.

— Ну и лежи там! — крикнул Марк. — Даже ты не смог удержаться!

Тишина.

Только дождь тихонько стучал по подоконнику.

Марк тяжело дышал, потом медленно сел прямо на пол и посмотрел под шкаф. Динозавр лежал на боку, совсем один. Марк долго молчал, потом почти шёпотом сказал:

— Это не ты.. — он закрыл лицо ладонями. — Это я..

Перед глазами снова появилась маленькая лапка — та самая, которая лежала у него на руке, и собственный голос: «Обещаю».

Марк резко поднял голову:

— Нет. Так нельзя.

Он вскочил, подбежал к шкафу, рывком распахнул дверцу и начал быстро перебирать вещи: старый плед, какая-то коробка, зимний шарф, куртка. Он сам не понимал, что ищет, только всё повторял вполголоса:

— Должно же быть что-нибудь.. Ну должно же.. Хоть что-нибудь..

Вещи одна за другой падали на пол, но ничего не помогало. Марк остановился, опустил руки и тихо сказал:

— Я же обещал..

В эту секунду сверху что-то тихо стукнуло. Марк поднял голову. На самой верхней полке что-то медленно сдвинулось — длинный чёрный зонт осторожно соскользнул вперёд, ударился деревянной ручкой о край шкафа, на мгновение задержался и упал прямо к ногам Марка. Мальчик вздрогнул. Он был готов поклясться, что никогда раньше не видел этого зонта.

— Откуда ты?.. — он осторожно поднял его. Зонт оказался удивительно лёгким. Ручка была вырезана из тёмного дерева и изображала лисью голову. Хитрые глаза будто внимательно смотрели прямо на него. Марк невольно усмехнулся: — Ты ещё кто такой?..

Он провёл пальцем по деревянной ручке и замер. Она была тёплой — не просто комнатной температуры, а по-настоящему тёплой, будто всего минуту назад её кто-то держал в руках. Марк быстро оглянулся: комната была пуста. Он снова посмотрел на зонт, потом осторожно покрутил его в руках. Возле кнопки блеснула маленькая металлическая пластинка, на ней аккуратными буквами было выцарапано: «ОТКРЫВАТЬ ТОЛЬКО В СЛУЧАЕ ПОЛНОЙ И АБСОЛЮТНОЙ БЕЗНАДЁЖНОСТИ».

Марк перечитал надпись, потом ещё раз, хмыкнул:

— Очень смешно.. — он посмотрел на зонт, потом тихо сказал. — Если это не полная безнадёжность, тогда я вообще не знаю, что это такое.

Он глубоко вздохнул, положил палец на кнопку:

— Ладно. Посмотрим, — и нажал.

Глава 2

Сначала была темнота. Не страшная — тёплая. Она пахла дождём, горячим какао и почему-то старыми книгами — так пахли полки у бабушки, на которых стояли потрёпанные сказки с пожелтевшими страницами.

Марк падал долго. Так долго, что успел испугаться: «А вдруг я вообще никогда не приземлюсь?» Но вдруг что-то мягкое подхватило его, будто огромная ладонь, сотканная из шуршащей ткани. Падение остановилось. Марк осторожно открыл глаза и сразу резко сел.

— Пушин! — голос прозвучал неожиданно громко.

Он быстро огляделся. Никого, только тихий шелест вокруг.

— Пушин!

Ответа не было. Где-то очень далеко послышался короткий собачий лай. У Марка сразу вспыхнула надежда:

— Пушин!

Он вскочил и сделал несколько быстрых шагов в ту сторону. Но лай оборвался, будто его никогда и не существовало. Марк остановился, постоял ещё немного, а потом медленно опустил голову:

— Показалось..

Он глубоко вздохнул и только теперь поднял глаза к небу — и забыл, как дышать. Над ним раскинулось небо, но совсем не такое, какое бывает у нас. Оно было сшито из разноцветных лоскутков.

Прямо над головой висело ситцевое облако — точь-в-точь как занавески на бабушкиной кухне. Чуть дальше важно плыла бархатная тучка, а ещё дальше растянулся огромный лоскут стёганого одеяла в весёлый горошек. Под таким же Марк любил лежать, когда болел, а бабушка читала ему сказки.

Вместо звёзд на этом небе были пришиты пуговицы: большие и маленькие, деревянные и стеклянные, перламутровые и медные. Они тихонько звенели между собой, будто разговаривали. Марк смотрел на них, не в силах отвести взгляд, а потом совсем тихо сказал:

— Если бы ты тоже это увидел.. Пушин..

Звон наверху сразу изменился. Одна маленькая перламутровая пуговица дрогнула, потом другая, потом третья. По лоскутному небу медленно пробежала едва заметная волна. Пуговицы уже не просто звенели — они будто прислушивались, будто повторяли незнакомое имя: «Пушин?.. Пушин?.. Кто такой Пушин?..»

И вдруг одна, совсем маленькая, тихонько всхлипнула. От этого крошечного всхлипа всё небо словно вздохнуло вместе с ней. Марк растерянно поднял голову:

— Ой.. Простите.. Я не хотел вас расстроить..

Пуговицы ещё немного помолчали, а потом снова зазвенели, но теперь совсем подругому — тихо, ласково, так, словно говорили: «Мы не знаем, кто такой Пушин.. Но видим, как ты по нему скучаешь».

И впервые с тех пор, как Марк открыл старый зонт, ему показалось, что он здесь не один. Он огляделся уже совсем другими глазами.

Под ногами тихонько шелестело что-то мягкое. Марк опустил взгляд: это была вовсе не трава. Вся поляна состояла из огромных газетных листов. Они лежали друг на друге, чуть помятые, словно росли здесь уже много лет. Некоторые медленно переворачивались сами собой, будто кто-то невидимый сидел неподалёку и неторопливо читал утреннюю газету.

Марк осторожно присел и поднял один лист. На первой странице большими буквами было написано: «ПРОПАЛА СЕРЕДИНА НЕДЕЛИ! Нашедшего просьба не возвращать. Нам и так хорошо».

Марк невольно улыбнулся:

— Странные у вас новости..

Он перевернул страницу. Там оказалось другое объявление: «ОТДАМ ХОРОШЕЕ НАСТРОЕНИЕ В НАДЁЖНЫЕ РУКИ. Самовывоз».

— А такое разве можно потерять?

Газета тихонько зашелестела, будто хотела ответить, но передумала. Марк улыбнулся ещё шире, потом бережно разгладил смятый уголок листа и аккуратно положил его обратно:

— Спасибо.

Газета довольно прошуршала, совсем тихо, будто ей понравилось, что с ней обошлись так осторожно.

Марк поднялся и сделал шаг. Дзынь. Он замер и посмотрел вниз. Под подошвой блестела маленькая красная пуговица. Она весело звякнула, словно поздоровалась. Марк осторожно переступил — под другой ногой откликнулась синяя, потом зелёная, потом ещё одна и ещё.

Дзынь. Дзынь. Дзынь. Через несколько шагов вокруг него уже звучал целый маленький оркестр. Марк не удержался, наклонился и совершенно серьёзно сказал:

— Здравствуйте.

Несколько секунд ничего не происходило, а потом все ближайшие пуговицы вдруг дружно зазвенели. Да так радостно, словно очень давно ждали, когда кто-нибудь первым с ними поздоровается. Марк тихо засмеялся — совсем тихо, но уже без той тяжести, которая ещё недавно сжимала сердце.

— Какие вы вежливые..

Он сделал ещё несколько шагов, потом остановился, обернулся и неожиданно помахал рукой всей поляне:

— До свидания!

Газетные листы весело зашелестели, пуговицы дружно зазвенели, а где-то высоко над головой маленькая перламутровая пуговка ярко сверкнула, словно тоже помахала ему в ответ. Марк улыбнулся. Теперь он был совершенно уверен: это место действительно живое.

Марк уже хотел идти дальше, как вдруг услышал:

— Я..

Он резко обернулся. Никого, только газетная поляна тихонько шелестела позади.

— Ты сегодня.. — послышалось снова. Голос был совсем рядом — тихий, нерешительный, будто кто-то очень хотел договорить, но каждый раз останавливался.

Марк осторожно пошёл вперёд. Через несколько шагов он увидел высокие деревянные вешалки — старые, потемневшие от времени. На них не висело ни пальто, ни шляп — только слова. Вернее, не слова, а их половинки. Незаконченные фразы тихонько покачивались на ветерке:

— Я.. — шелестела одна.

— Ты сегодня.. — повторяла другая.

— А если бы тогда.. — печально вздыхала третья.

Марк подошёл ближе. Ему вдруг стало очень тихо. Так тихо бывает вечером, когда все уже уснули, или в библиотеке, где даже страницы стараются переворачиваться осторожнее. На самой нижней вешалке висела маленькая белая полоска. На ней было написано всего два слова: «Я тебя..» — и больше ничего.

Марк осторожно прикоснулся к ней. Полоска едва заметно вздрогнула, будто почувствовала тепло его руки, потом тихонько прошелестела:

— ..почти сказал.. — и снова замолчала.

Марк долго смотрел на неё, потом спросил:

— Почему вы не договорите?

Вешалки тихонько покачнулись, ветер осторожно перебирал бумажные полоски, и вдруг сразу несколько голосов прошелестели:

— Не успели..

— Не решились..

— Не смогли..

И снова наступила тишина.

Марк опустил голову. Он вспомнил, как иногда тоже хотел что-нибудь сказать маме или папе, но думал: «Потом..» А потом разговор уже становился совсем другим. Он ещё раз посмотрел на полоску с надписью «Я тебя..»:

— Жалко.. — тихо сказал Марк. — Если бы кто-нибудь всё-таки успел договорить..

Все бумажные полоски едва заметно качнулись, будто благодарили его.

И именно в эту секунду из ближайшего кустика раздалось громкое:

— Ну наконец-то!

Марк подпрыгнул. Куст затрясся, оттуда послышалось весёлое пыхтение, потом показался прозрачный нос, следом две маленькие лапки, и наконец кубарем выкатился крошечный ёжик.

Он был прозрачным, словно сделан из чистого хрусталя. Внутри него перекатывались серебристые смешинки, а на кончике каждой иголки дрожала прозрачная капелька смеха. Ёжик встряхнулся, капельки радостно зазвенели:

— Фух! Успел!

Марк удивлённо посмотрел на него:

— Ты кто?

— Это потом! — серьёзно сказал ёжик. — Сначала другое.

Он внимательно осмотрел Марка, обошёл кругом, прищурился и покачал головой:

— Нет.

— Что — нет?

— Так не годится.

— Что именно?

— Лицо.

Марк машинально потрогал щёки:

— А что с ним?

— Слишком грустное. Такое лицо надо срочно лечить.

— А если не лечится?

Ёжик широко улыбнулся:

— Тогда будем смешить. Других способов у меня нет.

Он неожиданно подпрыгнул, сделал кувырок, потом ещё один, а затем завертелся так быстро, что стал похож на прозрачный клубочек. С его иголок сорвались серебристые капельки. Одна уселась Марку прямо на нос. Нос защекотало.

Марк изо всех сил старался не засмеяться: сморщился, надул щёки, но смешинка оказалась сильнее.

— Апчхи!

Ёжик радостно подпрыгнул:

— Получилось! Я же говорил!

И Марк неожиданно рассмеялся — по-настоящему, не очень громко, но так искренне, что ему самому стало легче, будто внутри развязался тугой узел. Ёжик довольно кивнул:

— Вот. Совсем другое дело. — Он подошёл ближе, принюхался раз, ещё раз и радостно сказал: — О! Ты пахнешь мандаринами!

Марк удивился:

— Правда?

— Конечно. И дождём. И какао. И.. — Ёжик вдохнул ещё раз, улыбнулся уже тише: — И немножко грустью. Но это ничего. Она проходит. Особенно если рядом появляются друзья. — Он протянул маленькую прозрачную лапку: — Меня зовут Фырок.

Марк осторожно пожал её:

— А я Марк.

— Отлично! Теперь мы знакомы по всем правилам! — Фырок довольно подпрыгнул.

И в этот момент над ними тихонько зашуршало. С лоскутного неба посыпался дождь, только капли были совсем не мокрые — это были душистые чаинки. Они пахли мятой и бергамотом, мягко ложились на землю и прямо на глазах превращались в маленькие зелёные кустики.

На кустиках быстро появлялись бутоны, потом распускались цветы, а через секунду вместо цветов вырастали крошечные фарфоровые чашечки с тонкими золотыми каёмками.

— Ух ты! — выдохнул Марк.

Он осторожно потянулся к одной чашечке, но едва коснулся её пальцем, как она тихонько пискнула, сморщилась и — шлёп! — превратилась в круглую пуговицу. Пуговица весело покатилась по тропинке, звеня на каждом камешке.

— Эй! — рассмеялся Марк. — Так нечестно!

— Зато весело! — захихикал Фырок. — В Бредогорье почти всё сначала кажется нечестным, а потом оказывается очень интересным.

Они шли по узкой тропинке, весело переговариваясь. Фырок то катился клубочком вперёд, то вдруг останавливался и прислушивался к чему-то одному ему понятному.

Иногда он легонько задевал лапкой яркие пуговицы, и те радостно отзывались тонким перезвоном. Марк уже начал различать их голоса: одни звенели звонко и весело, другие — мягко, почти шёпотом. Некоторые, стоило ему пройти мимо, начинали дружно перезваниваться между собой, словно обсуждали нового гостя.

— Они правда разговаривают? — тихо спросил Марк.

— Конечно, — удивился Фырок. — А ты думал, они просто так звенят?

Марк улыбнулся, но через несколько шагов улыбка исчезла. Среди ярких пуговиц лежала одна.. серая, совсем тусклая. Она не звенела и казалась холодной даже на вид. Марк присел рядом:

— Здравствуйте..

Ответа не было. Он осторожно коснулся её пальцем и сразу отдёрнул руку:

— Холодная..

Фырок тоже остановился, весёлое выражение исчезло с его мордочки:

— Уже и сюда добралось..

— Что добралось?

Фырок долго молчал, потом тихо сказал:

— «Нельзя».

Марк удивился:

— Но это же просто слово.

Фырок покачал головой:

— Не здесь. В Бредогорье слова иногда становятся слишком настоящими.

Марк снова посмотрел на серую пуговицу. Ему стало её жалко. Она лежала одна среди множества весёлых сестричек, которые всё ещё тихонько звенели, будто пытались подбодрить её.

— А раньше она тоже звенела?

— Все звенели, — ответил Фырок. Он вздохнул: — Пойдём.. Нам самим не разобраться.

— А кто разберётся?

Фырок поднял прозрачное ушко:

— Один очень ворчливый кот.

Марк хотел спросить что-то ещё, но Фырок вдруг замер:

— Тихо..

Из-за большого камня показалась кошачья лапа. Она была самая обыкновенная — полосатая, пушистая. Лапа неторопливо прошла по тропинке, остановилась возле красной пуговицы и потрогала её коготком. Пуговица радостно звякнула. Лапа удовлетворённо кивнула сама себе и пошла дальше.

Марк несколько раз моргнул:

— Фырок..

— Что?

— Где кот?

— Сейчас догонит.

И действительно, из-за камня медленно вышел огромный полосатый кот, и Марк сразу понял, что таких котов не бывает.

Кот был весь дырявый: сквозь круглую дыру в боку была видна тропинка, через другую — кусочек лоскутного неба, ещё одна пряталась возле плеча, маленькая — в ухе. Будто мир случайно забыл дорисовать его до конца.

Но самым удивительным был хвост. Он состоял из отдельных пушистых кусочков, похожих на запятые, а рядом с ними деловито бегала ещё одна лапа, совершенно самостоятельная. Она пыталась поймать хвост, почти ловила, но хвост каждый раз ускользал. Лапа сердито топала и принималась за дело снова. Марк так и застыл с открытым ртом.

— Долго будешь смотреть? — лениво спросил кто-то.

Марк вздрогнул. Он посмотрел на морду Кота — рта не было, только нос, усы и спокойные жёлтые глаза.

— Я здесь. — Теперь голос звучал.. с левого уха.

Марк поднял взгляд. На ухе действительно появился рот. Через секунду он исчез и оказался уже на боку.

— Ты.. кто?

— Кот.

— Просто Кот?

— А зачем усложнять?

Пятая лапа перестала гоняться за хвостом, подошла к Марку и вежливо помахала ему. Марк машинально помахал в ответ. Лапа осталась очень довольна — она даже дружески похлопала его по ботинку. Кот тяжело вздохнул:

— Простите. Она очень любит знакомиться первой.

Марк ещё раз внимательно посмотрел на удивительные дыры. Они казались совсем не страшными, наоборот — будто каждая из них хранила свою историю. Наконец он не выдержал:

— А почему ты такой.. дырявый?

Рот как раз оказался на животе, поэтому улыбка получилась очень необычной:

— Потому что мир дырявый, маленький. В него всё проваливается: мысли, обещания, левые носки.. Вот и я — часть этого процесса. Теперь и ты часть. Поздравляю! А дырки — они как память. В одну провалилось что-то важное, в другую — смешное, в третью — то, о чём лучше забыть. А некоторые — просто так, для красоты. Или чтобы ветер сквозь них свистел.

Марк задумчиво кивнул, потом осторожно протянул руку к самой большой дыре:

— А можно.. туда руку засунуть?

Рот мгновенно перескочил на кончик хвоста:

— Категорически не рекомендую.

— Почему?

— Бывает, сунешь руку.. вытащишь.. а у неё уже другие привычки.

Пятая лапа очень серьёзно кивнула, будто лично знала несколько таких случаев. Фырок звонко расхохотался, Марк тоже не удержался от смеха. Он всё ещё ничего не понимал, но рядом с этим невозможным дырявым Котом становилось удивительно спокойно.

Кот внимательно посмотрел на него, а потом спросил:

— Так ты идёшь?

— Куда?

— В Бюро Найденных Потеряшек. Там про всех потеряшек знают. И про твоё «Нельзя» наверняка уже запись есть. А если повезёт.. его уже даже в банку упаковали.

— В банку? — удивился Марк.

— А куда же ещё? — буркнул Кот. — У каждой хорошей потеряшки должно быть своё место.

Пятая лапа уже нетерпеливо махала с тропинки, Фырок подпрыгивал рядом:

— Ну идём же!

Марк ещё раз посмотрел на Кота, на его удивительные дыры, на пятую лапу, на рот, который успел перебраться с хвоста на плечо. Потом глубоко вдохнул и шагнул следом.

Тропинка тихонько зазвенела пуговицами, а где-то впереди, за очередным поворотом, уже ждало Бюро Найденных Потеряшек.

Глава 3

Кот шёл впереди так уверенно, словно сам когда-то придумал эту дорогу. Он ни разу не посмотрел под ноги и всё равно ни разу не наступил мимо пуговицы.

Пятая лапа, как обычно, жила собственной жизнью. Она то убегала далеко вперёд, то возвращалась назад, то принималась ловить один из кусочков хвоста. Хвост привычно ускользал, изгибаясь смешными запятыми, а лапа сердито дёргалась и начинала всё сначала.

Марк сначала пытался понять, как такое вообще возможно.

Потом перестал.

Потому что понял: в Бредогорье это совершенно нормально.

— Не отставай, Звоночек, — сказал Кот. Сейчас его рот жил на левом плече.

— Я же говорил, меня Марком зовут.

— Говорил.

— Ну вот.

— А я говорил, что ты пока Звоночек. Получается, мы оба сказали. Все довольны.

— Почему Звоночек?

— Потому что звенишь.

— Я не звеню.

Кот остановился.

Очень внимательно посмотрел на Марка.

Потом наклонился и приложил ухо почти к его груди.

Пятая лапа тоже подошла поближе.

Даже хвост перестал убегать.

Кот долго слушал.

Очень долго.

Наконец выпрямился.

— Звенишь.

— Неправда.

— Правда.

— Чем?

— Пока не знаю. Но обязательно чем-нибудь. Все дети сначала звенят.. А потом начинают говорить.

— Это как?

— Очень просто. Когда человек перестаёт звенеть..

Кот задумался, и его рот медленно перебрался с плеча на локоть.

— ..он становится скучным взрослым.

Марк невольно улыбнулся.

— Значит, ты тоже когда-то звенел?

— Конечно.

— И чем?

Кот важно поднял хвост. Пятая лапа тут же попыталась его поймать.

— Всем подряд. Особенно по утрам. Иногда даже без разрешения.

Марк рассмеялся.

Они пошли дальше.

Под ногами тихонько звенели пуговицы.

Лоскутное небо лениво плыло над дорогой, а ветер осторожно перебирал разноцветные заплатки, словно перелистывал огромную книгу.

Наконец Марк снова заговорил:

— Кот..

— М-м?

— А почему ты сразу понял, что я ищу именно своё «Нельзя»?

Кот шумно втянул воздух.

— Потому что оно пахнет тобой.

— Как это?

— Все пахнут чем-нибудь.

— Я не про это.

— А я про это.

Марк вздохнул. Спорить с Котом было бесполезно.

— Значит.. все «Нельзя» пахнут своими людьми?

Кот кивнул.

— Конечно.

— Они.. живые?

Кот посмотрел на Марка.

— А ты как думаешь?

— Не знаю..

— Но ведь твоё убежало.

Марк немного помолчал.

— Убежало..

— Значит, решай сам.

Они ещё немного прошли молча.

Потом Марк снова спросил:

— И у каждого человека есть своё?

— Я ещё не встречал человека без «Нельзя».

— Они все одинаковые?

Кот даже фыркнул.

— Конечно нет. Как люди. Одни любят молчать. Другие любят командовать. Третьих вообще лучше не будить до обеда.

Марк снова улыбнулся.

В этот момент прямо перед ними дорогу неспешно переползала большая зелёная пуговица. Она двигалась очень серьёзно, переваливаясь с боку на бок.

Марк остановился.

— Она.. ползёт?

— Конечно.

— Но почему?

— Потому что ей туда надо.

— Пуговицам тоже куда-нибудь надо?

Кот посмотрел на него так, словно вопрос был совершенно удивительным.

— Всем куда-нибудь надо. Даже тем, кто делает вид, что никуда не идёт.

Пятая лапа осторожно подняла пуговицу и переставила её на другую сторону тропинки. Та негромко звякнула и покатилась дальше.

— Она сказала спасибо? — удивился Марк.

— Нет.

— А что тогда?

— «Наконец-то».

Они пошли дальше.

Через несколько минут справа показалось необычное дерево. Вместо листьев на нём росли варежки. Красные. Синие. Полосатые. Совсем маленькие и огромные, наверное, великаньи.

Пятая лапа вдруг подпрыгнула и аккуратно поправила маленькую рыжую варежку, которая почти соскользнула с ветки.

— Чтобы не простудилась, — серьёзно сказал Кот.

— Варежки тоже простужаются? — улыбнулся Марк.

— Если долго висят на сквозняке, — невозмутимо ответил Кот.

И вдруг замолчал.

Уши слегка приподнялись.

Пятая лапа застыла на полпути к хвосту.

Даже хвост перестал убегать.

Марк сразу перестал улыбаться.

— Что такое?

Кот медленно поднял голову. Несколько секунд он просто прислушивался.

Потом очень тихо сказал:

— Странно..

— Что?

— Дорога молчит.

Марк прислушался. И только теперь понял, что привычный звон пуговиц исчез.

Вокруг стало так тихо, что было слышно, как ветер осторожно перебирал лоскутки неба.

Кот посмотрел вперёд.

— Пойдём.

И они ускорили шаг.

Глава 4

Дорога всё ещё молчала.

Даже Кот больше не шутил. Он шёл быстро, не оглядываясь, а пятая лапа время от времени молча показывала вперёд, словно боялась, что остальные забудут, куда идут.

Марк старался не отставать.

Ветер больше не пах сухой бумагой. Постепенно в нём появились другие запахи — сначала мята, потом свежий хлеб, потом яблоки. Такие тёплые и домашние, что Марк сам не заметил, как перестал крепко сжимать ручку зонта.

Кот вдруг втянул воздух носом:

— Вот теперь правильно.

— Что правильно?

— Бредогорье снова пахнет надеждой.

Марк удивлённо посмотрел на него:

— Надежда так пахнет?

— Иногда.

Кот улыбнулся:

— Значит, почти пришли.

Где-то впереди едва слышно звякнул маленький колокольчик. Не тревожно. Совсем наоборот.

Потом донёсся радостный возглас:

— Нашлась!

— Правда?

— Нашлась!

Сразу вслед за ним раздались хлопки, чей-то смех и весёлое:

— Ну наконец-то!

Кот впервые за долгое время улыбнулся:

— Хороший день.

— Почему?

— Сегодня что-то нашлось.

— Что именно?

Кот пожал плечами:

— Не знаю. И это замечательно.

Они сделали ещё несколько шагов. Лес начал редеть.

Между деревьями показалась труба, из которой поднимался сладковатый пар. В нём плавали обрывки забытых мелодий. Одна, похожая на весёлый свист чайника, подплыла к Коту, будто хотела усесться ему на плечо.

— Домой, — беззлобно сказал Кот.

Мелодия виновато пискнула и уплыла обратно. Потом показалась крыша. Затем высокие окна. И наконец — целый дом.

Нет. Не просто дом.

Марк остановился. Перед ними стояло самое удивительное здание, какое он когда-либо видел. Оно было сложено из вещей, которые люди когда-то потеряли, но так и не перестали помнить.

Фундамент состоял из старых газет и объявлений. На одной странице крупными буквами было написано: «ПРОПАЛО ТВЁРДОЕ НЕТ. Последний раз его видели у очень упрямого мальчика».

На другой кто-то аккуратно приписал карандашом: «Уже нашлось. Теперь учится говорить вовремя».

Из трубы лениво поднимался пар, пахнущий чаем с мятой, яблоками и чемто таким, отчего сразу хотелось остаться подольше. На крыше теснились книги без корешков. Иногда одна из них чихала, и ветер тут же подхватывал россыпь букв, унося их куда-то в лес.

А вместо забора рос куст одиноких перчаток. Вязаные перчатки неторопливо шевелили пальцами. Кожаные важно расправляли несуществующие манжеты. Одна маленькая варежка приветливо помахала Марку.

Он невольно помахал ей в ответ. Кот сделал вид, будто ничего не заметил.

— Здесь всегда так? — тихо спросил Марк.

Кот посмотрел на дом. Потом на мальчика. И впервые ответил совсем без шутки:

— Нет.

Марк удивлённо поднял глаза.

— Сегодня особенно хорошо, — Кот подошёл к двери.

На ней висела аккуратная деревянная табличка:

БЮРО НАЙДЕННЫХ ПОТЕРЯШЕК Часы приёма: когда вспомнится. Вход свободный. Лучше — с надеждой.

Ниже, совсем мелкими буквами, было приписано: «Господин в полосатой шляпе! Пожалуйста, заберите свой панический ужас. Он опять пугает наш тихий ужас, и тот уже второй день не выходит из-под шкафа».

Марк улыбнулся:

— А сюда правда можно зайти?

Кот удивлённо посмотрел на него:

— Звоночек — Он осторожно толкнул дверь дырявым боком. Та приветливо скрипнула, словно давно их ждала. — Для этого Бюро и существует.

Марк переступил порог и сразу остановился.

Внутри было тепло. Не жарко, а именно тепло — так бывает в доме, где постоянно кипит чайник и всегда ждут гостей. Пахло мятой, яблочным вареньем, старыми книгами и ещё чемто совсем неуловимым. Чем пахнет надежда, Марк тогда ещё не знал. Но именно так она, наверное, и пахла.

Прямо над дверью тихонько звякнул маленький медный колокольчик. Где-то в глубине дома ему тут же ответил другой.

— Гости, — негромко сказал кто-то.

— Настоящие? — откликнулся ещё один голос.

— Настоящие.

Марк удивлённо посмотрел на Кота:

— Они всегда так?

— Конечно.

— Почему?

— Чтобы никто не вошёл незамеченным. Это ведь Бюро. Здесь очень не любят, когда кого-нибудь не замечают.

Марк медленно пошёл вперёд. Вдоль стен тянулись высокие деревянные стеллажи. На них стояли сотни стеклянных банок. Нет. Тысячи.

В одной лениво кружился чей-то забытый смех. Он время от времени подпрыгивал и тихонько хихикал сам над собой. В другой спала маленькая тишина. Она уютно свернулась клубочком и даже во сне казалась очень спокойной. На соседней полке сидело потерявшееся письмо. Оно терпеливо ждало, когда кто-нибудь наконец дочитает его до конца.

Возле одной банки стояла кружка с ещё тёплым чаем. Рядом лежало недовязанное полосатое кашне. Будто хозяин всего этого вышел всего на минутку.

— Здесь кто-то живёт? — шёпотом спросил Марк.

— Конечно.

— Кто?

Кот удивлённо посмотрел на него:

— Те, кто ждёт.

Пятая лапа тем временем уже успела познакомиться с веником, который самостоятельно подметал пол. Веник вежливо поклонился. Пятая лапа ответила таким же серьёзным поклоном. И они ещё немного постояли друг перед другом, словно обменивались очень важными приветствиями.

Марк тихонько улыбнулся. В этот момент где-то совсем рядом послышался сердитый голос:

— Ну куда же ты опять убежала?

Следом раздался звон разбившейся нет, не чашки. Похоже, кто-то уронил банку.

— Ничего страшного! — сказал тот же голос уже спокойнее. — Сейчас соберём.

Кот усмехнулся:

— Значит, Совунья сегодня в хорошем настроении.

— Почему?

— Потому что разбилась только одна банка.

Они прошли ещё несколько шагов. Где-то совсем рядом тихонько шуршали страницы. Послышался скрип пера. Кто-то негромко кашлянул.

— Минутку — сказал спокойный голос. — Сейчас закончу.

Марк заглянул за высокий стеллаж. За большой конторкой, сложенной из старых газет и деревянных ящиков, сидел Барсук. На самом кончике носа у него держались круглые очки из бутылочных донышек, скреплённые, казалось, честным словом.

Перед ним лежала огромная книга. Такая большая, что Марк сначала принял её за стол. Барсук что-то старательно записывал павлиньим пером, вставленным в старый ржавый гвоздь. Перо тихонько поскрипывало.

Барсук не спешил. Каждая строчка ложилась в книгу так аккуратно, словно была очень важной. Наконец он поставил последнюю точку, подул на страницу, закрыл книгу и только после этого поднял голову.

— Здравствуй, Котофей.

— Здравствуй, Барсук.

— Давненько не виделись.

— Целых четыре дня.

— Значит, действительно давно.

Кот фыркнул. Пятая лапа уже успела перебраться через стойку и деловито пожала Барсуку лапу. Барсук серьёзно пожал её в ответ, словно ничего необычного не произошло.

Потом он посмотрел на Марка. Не удивлённо. Не настороженно. Очень внимательно. И вдруг шумно втянул воздух. Раз. Потом ещё раз.

— Мандарины — задумчиво произнёс он. Ещё один вдох. — Дождь и щенок..

Он снял очки, протёр их клетчатым платком, снова надел и только после этого тихо сказал:

— Значит это ты.

Марк растерянно кивнул:

— Вы знаете, кто я?

Барсук едва заметно улыбнулся:

— Нет. Пока ещё нет. Но очень надеюсь познакомиться. — Он протянул Марку широкую тёплую лапу. — Я Барсук. Присматриваю за теми, кого пока ещё не нашли.

Марк осторожно пожал её. Лапа оказалась тёплой, совсем как кружка с только что налитым чаем.

— А это — Барсук обвёл взглядом Бюро. — мой дом. И, если честно — он улыбнулся уже чуть веселее, — самый шумный дом во всём Бредогорье.

Барсук заметил, что Марк всё время украдкой смотрит по сторонам.

— Хочешь посмотреть? — спросил он.

Марк кивнул.

— Тогда смотри. Только не торопись. Потерянное очень не любит, когда мимо него проходят на бегу.

Марк медленно пошёл вдоль стеллажей. Банок было столько, что они, казалось, уходили под самый потолок. Одни были крошечные, другие — размером почти с бочку.

В одной лениво кружилась Внезапная Радость. Она то подпрыгивала к самой крышке, то снова опускалась вниз, словно никак не могла усидеть на месте.

— Осторожнее с ней, — негромко сказал Кот. — Прилипнет — потом целый день будешь улыбаться без причины.

Марк улыбнулся:

— Разве это плохо?

— Не плохо. Просто взрослые начинают подозрительно коситься.

Чуть дальше, в небольшом стеклянном аквариуме, тихонько покачивалась Чужая Тоска. Увидев Марка, она сразу потянулась к нему длинными мягкими щупальцами.

— Ой-ой — вздохнул Кот и осторожно постучал по стеклу. — Не сейчас.

Чужая Тоска послушно остановилась и виновато прижалась к стенке аквариума.

— Она добрая, — объяснил Барсук. — Просто ей всё время кажется, что всем грустно. Вот и пытается всех обнять.

На соседней полке дрожал маленький колючий комочек. Он сидел, крепко зажмурившись. Даже бирка на банке едва заметно подрагивала. Испуг.

Марк хотел коснуться стекла, но Барсук остановил его взглядом.

— Не сейчас.

— Почему?

— Потому что испуг всегда ждёт, что его снова испугают. — Он кивнул на дрожащий комочек. — Сначала ему нужно поверить, что тут безопасно.

Через банку от него металась яркая птичка. Она стремительно перелетала с места на место, оставляя за собой тонкий серебристый след. На бирке было написано: «Внезапная Мысль».

— Она никогда не сидит спокойно? — спросил Марк.

— Ни одной секунды, — улыбнулся Барсук. — Поэтому её так трудно поймать.

Ещё несколько шагов. На самой нижней полке стояла совсем маленькая баночка. Почти пустая. Только на самом дне лежало крошечное слово «Прости». Оно было таким тихим, что Марк сначала даже не заметил его.

— Почему оно здесь? — шёпотом спросил он.

Барсук долго молчал, потом ответил:

— Его слишком долго не произносили.

Марк ничего не сказал. Он только осторожно провёл пальцами по стеклу. И ему вдруг показалось, будто маленькое слово стало чуть светлее.

Барсук улыбнулся:

— Видишь?

— Что?

— Его уже заметили. Иногда для начала этого вполне достаточно.

Они уже собирались идти дальше, когда Марк вдруг остановился:

— Подождите

Кот обернулся:

— Что такое?

— Вы ничего не слышите?

Кот насторожил уши. Пятая лапа тоже замерла. Барсук прислушался.

Где-то очень тихо почти неслышно кто-то напевал. Без слов. Очень грустно. Марк медленно пошёл на звук. Песенка доносилась откуда-то снизу, с самой нижней полки, в тени.

Там стояла небольшая плетёная корзинка. Совсем обычная. В ней лежал одинокий серый носок. Он был немного выцветшим, немного мятым, на пятке виднелась аккуратная дырочка. Но почему-то больше всего Марка поразило не это.

Носок тихонько пел. Не жаловался, не плакал — просто напевал очень одинокую мелодию, будто хотел не забыть собственный голос.

Марк медленно присел рядом. Носок сразу смутился, песенка стала ещё тише.

— Давно он здесь? — спросил Марк.

Барсук подошёл совсем неслышно:

— Достаточно давно.

— Он ждёт свою пару?

Барсук покачал головой:

— Раньше ждал. Теперь уже нет.

— Тогда чего?

Барсук долго молчал, потом тихо ответил:

— Чтобы кто нибудь перестал видеть в нём только носок без пары.

Марк ничего не сказал. Он долго смотрел на маленький серый носок. И вдруг совершенно неожиданно вспомнил Пушина. Не потому, что они были похожи. Совсем нет. Просто тогда, возле старого сарая, щенок тоже смотрел так, будто очень надеялся, что кто нибудь всё-таки остановится.

Марк осторожно протянул руку:

— Можно?

Барсук кивнул:

— Если он сам захочет.

Несколько секунд ничего не происходило. Потом носок совсем чуть-чуть едва заметно подвинулся ближе и снова тихонько запел.

Марк улыбнулся:

— Знаешь мне кажется, все вокруг ошиблись.

Носок едва заметно качнулся.

— Они всё время говорят, что ты один. А я думаю — Марк немного смутился. — Ты просто ещё не нашёл своё дело.

В Бюро стало совсем тихо. Даже книги перестали шелестеть страницами.

— Представь, ты мог бы стать домиком для маленького мышонка. Он бы сворачивался внутри тебя клубочком, а ты согревал бы его холодными ночами.

Носок перестал дрожать.

— Или ты мог бы стать мешочком для чьих нибудь сокровищ. Для стеклянного шарика. Для старой пуговицы. Для первого молочного зуба. Для счастливого каштана. Кто нибудь носил бы тебя с собой каждый день, потому что боялся потерять.

Марк говорил всё тише, будто рассказывал сказку только одному единственному слушателю.

— Или ты мог бы стать шапочкой для маленького ёжика. Он бы смешно сопел во сне и думал, что ему очень повезло.

Носок тихонько вздохнул. Но теперь это был уже совсем другой вздох. Не одинокий — мечтательный.

— А может тебе вовсе не нужна вторая пара. Может быть ты нужен именно таким. Одним единственным.

На этот раз носок ничего не ответил. Он просто запел. Сначала совсем несмело, потом всё увереннее. И вдруг его песенка стала такой красивой, что по всему Бюро один за другим начали просыпаться звуки.

Где-то тихо звякнула забытая ложечка. Кто-то засмеялся во сне. Книга без корешка сама перевернула страницу. Даже Испуг осторожно выглянул из своего уголка.

Барсук медленно снял очки:

— Не может быть — прошептал он.

Кот молча улыбнулся. Пятая лапа крепко прижала хвост к себе, будто боялась спугнуть происходящее.

И тогда прямо над носком вспыхнула маленькая золотистая искра. Она была не больше светлячка. Сделала один круг по комнате, ещё один, потом медленно подплыла к Марку и очень осторожно опустилась ему на ладонь.

Она совсем не обжигала. Наоборот. Казалось, кто-то положил в руку маленькое тёплое «спасибо».

В Бюро ещё долго никто не нарушал тишину. Маленькая золотая искра спокойно лежала на ладони Марка. Она едва заметно пульсировала, будто дышала.

И вдруг из-за дальнего стеллажа послышался грохот.

— Ой!

Что-то покатилось по полу.

— Нет-нет не туда! - Ай!

Из-за шкафа вылетела Совунья. Вернее, сначала вылетели несколько листков бумаги, потом клубок разноцветных ниток, потом очки, и только потом появилась сама Совунья — слегка растрёпанная, в вязаном жилете цвета спутанных мыслей.

Она уже открыла клюв, чтобы что-то сказать, но вдруг увидела золотистую искру и застыла.

— Получилось?! — выпалила она, тут же ойкнула и нахмурилась. — А что получилось?

Кот тихонько фыркнул:

— Всё как обычно.

Совунья облегчённо кивнула:

— Тогда хорошо. — Она быстро собрала рассыпавшиеся листочки, совершенно забыв, зачем прибежала.

Барсук улыбнулся:

— Получилось, Совунья. Первая Искра.

Совунья всплеснула крыльями:

— Настоящая?

— Настоящая.

Она посмотрела на Марка так, словно увидела его впервые, а потом вдруг исчезла за конторкой. Что-то долго искала, оттуда доносилось: «Где же он? Нет это не оно! Это тоже не то.. А это вообще чайник»

Наконец Совунья торжествующе вынырнула обратно, но Барсук мягко покачал головой:

— Нет. Не этот.

Он наклонился, открыл самый нижний ящик своего старого стола и очень осторожно достал маленький медный жёлудь. Вернее он был похож на жёлудь, только вместо шляпки у него была маленькая прозрачная дверца.

Барсук бережно положил его на ладонь. Некоторое время просто смотрел, будто здоровался со старым другом, а потом протянул Марку:

— Возьми.

Марк осторожно принял жёлудь. Он оказался неожиданно тяжёлым и очень тёплым.

— Это

— Фонарик.

— Но он же не светится.

Барсук улыбнулся:

— Пока.

Он слегка наклонил ладонь Марка. Золотистая Искра тихонько поднялась в воздух, сделала маленький круг над головой Кота. Пятая лапа попыталась было её поймать, но Кот успел удержать её за запястье:

— Не мешай чуду работать.

Искра подплыла к жёлудю, на мгновение замерла, а потом сама скользнула внутрь. Медный жёлудь тихонько звякнул, и в его глубине вспыхнул крошечный золотой огонёк. Такой маленький Но почему-то сразу стало светлее.

Барсук удовлетворённо кивнул:

— Теперь он тебя узнал.

— Кто?

— Фонарик.

Марк удивлённо посмотрел сначала на жёлудь, потом на Барсука:

— Зачем?

Барсук не ответил сразу. Он осторожно прикрыл прозрачную дверцу фонарика, и та тихо щёлкнула, будто замкнула в себе свет.

— Потому что дальше дорога станет темнее, — негромко сказал он. — А некоторые тропинки открываются только тем, кто несёт собственный свет.

Марк долго смотрел на тёплый огонёк внутри фонарика. Потом осторожно коснулся медной поверхности — и фонарик тихонько звякнул, будто кивнул в ответ.

Несколько секунд все молчали. Даже тени в углах будто притаились, чтобы не спугнуть эту тишину. Потом Марк поднял голову:

— Барсук

— Да?

— Моё «Нельзя» оно ведь правда было здесь?

Барсук сразу понял, о чём речь. Он молча подошёл к своей огромной книге, открыл её где-то почти в середине. Страницы сами перелистнулись ещё несколько раз, будто знали, что именно нужно найти.

Барсук остановился, провёл лапой по строчкам и тихо прочитал:

— «Приходило».

Марк замер. Барсук продолжил:

— «Пробыло недолго». — Ещё одна строка. — «Ничего не взяло» — Он вдруг нахмурился. — Нет взяло.

Кот сразу насторожился:

— Что?

Барсук ещё раз посмотрел в книгу, потом медленно закрыл её:

— Несколько Тишин. Испуг очень испугался. И — он ненадолго замолчал, — оно заблокировало несколько несказанных «Можно».

В комнате стало необыкновенно тихо. Даже Совунья перестала шуршать своими бумажками.

— «Можно» тоже можно потерять? — почти шёпотом спросил Марк.

Барсук покачал головой:

— Нет. Потерять нельзя. Но их можно заставить молчать.

Кот тяжело вздохнул:

— Очень на него похоже

— Оно что нибудь сказало? — быстро спросил Марк.

Барсук немного подумал:

— Почти ничего.

— Совсем?

— Только одну фразу.

Марк сделал шаг вперёд:

— Какую?

Барсук посмотрел ему прямо в глаза:

— «Скоро здесь станет тихо».

От этих слов даже маленький огонёк внутри фонарика будто стал светить чуть тревожнее — его свет дрогнул, как пламя на сквозняке.

Кот молча подошёл к двери. Пятая лапа больше не играла с хвостом — она крепко держалась за рукав Кота, будто боялась отпустить.

Барсук осторожно закрыл книгу:

— Оно ушло совсем недавно. След ещё тёплый. Если поспешите — он посмотрел на фонарик, — возможно, он успеет показать дорогу.

Барсук ещё не успел закрыть свою большую книгу, как вдруг что-то тихо щёлкнуло. Совсем негромко. Будто кто-то перевернул невидимую страницу.

По Бюро пробежал холодок. Марк невольно поёжился. Маленький огонёк внутри фонарикажёлудя тревожно дрогнул.

— Барсук — тихо сказал Кот.

— Вижу.

На полу, прямо посреди комнаты, медленно проступали серые буквы. Сначала одна, потом другая, потом ещё. Будто их кто-то писал прямо на деревянных досках, и чернила были из самого холода.

Через несколько секунд появилась небольшая металлическая табличка. Она выглядела совершенно чужой: слишком ровной, слишком правильной, слишком холодной. На ней было написано:

НЕЛЬЗЯ ПЕТЬ. *Пункт 1.*

В Бюро стало необыкновенно тихо. Носок сразу перестал напевать. Внезапная Радость испуганно опустилась на дно своей банки. Даже книги перестали шелестеть страницами.

— Нет — очень спокойно сказал Барсук. Он подошёл к табличке, опустился на одно колено, провёл по ней лапой. Она была ледяной. — Оно становится смелее.

Кот сердито дёрнул хвостом. Пятая лапа тоже сжала кулачок:

— Оно ещё никогда не приходило сюда.

Барсук медленно поднялся:

— Значит пришло время перестать его ждать.

Марк посмотрел на носок. Тот всё ещё молчал. Тогда мальчик тихонько улыбнулся:

— Ничего. — Он осторожно коснулся корзинки. — Я запомнил твою песню.

И словно услышав эти слова, носок совсем тихо почти неслышно напел одну-единственную ноту. Она была такой слабой, что табличка даже не заметила её. Но фонарик-жёлудь сразу вспыхнул чуть ярче, будто обрадовался.

Барсук посмотрел на Марка и впервые за всё время улыбнулся понастоящему:

— Вот поэтому, — сказал он очень тихо, — оно тебя и боится.

Барсук проводил их до самой двери. Совунья тоже хотела проводить, но по дороге три раза забывала, зачем идёт, дважды возвращалась за очками, а потом обнаружила, что очки всё это время сидели у неё на клюве.

— Ну вот — вздохнула она. — Значит, всё в порядке.

Кот тихонько фыркнул:

— Это лучший признак порядка, который я знаю.

Совунья просияла, хотя было непонятно, поняла ли она, комплимент это или нет.

У самой двери Барсук остановился. Он долго смотрел на Марка, потом перевёл взгляд на маленький фонарик-жёлудь. Золотистая Искра спокойно светилась внутри.

— Береги его, — сказал Барсук.

— Обязательно.

— Нет. — Барсук покачал головой. — Я не про фонарик.

Марк удивлённо поднял глаза. Барсук улыбнулся:

— Свет берегут не руками.

Некоторое время никто не говорил. Только за окном шелестели деревья. Потом Марк всё-таки спросил:

— А если если я не найду остальные Искры?

Барсук ответил не сразу. Он посмотрел куда то вдаль, словно вспоминал очень старую дорогу:

— Тогда ты всё равно станешь другим.

— Почему?

— Потому что человек, который однажды научился замечать чужую боль — он посмотрел на корзинку, где теперь тихонько напевал носок, — уже никогда не сможет жить так, будто её нет.

Марк крепче сжал фонарик. Эти слова почему-то показались тяжелее любого чемодана.

Барсук открыл дверь. В Бредогорье уже начинался вечер. Лоскутное небо стало глубже. Далеко-далеко снова зазвенели пуговицы. Дорога будто просыпалась после долгого молчания.

Кот первым шагнул наружу. Пятая лапа привычно показала вперёд, потом вдруг вернулась, подбежала к Барсуку и крепко его обняла.

Барсук рассмеялся:

— Спасибо.

Пятая лапа смущённо махнула рукой и тут же убежала догонять Кота.

Марк уже хотел выйти вслед за ними, но Барсук негромко окликнул его:

— Марк.

Он впервые назвал его по имени. Не «мальчик», не «гость». Именно Марк.

Мальчик обернулся.

— Помни одну вещь.

— Какую?

Барсук посмотрел ему прямо в глаза:

— Иногда мы отправляемся искать потерянное — он слегка улыбнулся, — а находим себя.

Марк ничего не ответил. Только молча кивнул и шагнул за порог.

Глава 5

Из Бюро они вышли молча.

Позади остался тёплый дом, пахнущий мятой, яблоками и надеждой. Над дверью тихонько звякнул колокольчик, словно пожелал им счастливой дороги.

Марк машинально коснулся кармана. Медный фонарик-жёлудь был на месте. Внутри него спокойно светилась первая Искра. Неярко, но уверенно. Казалось, она дышала.

Марк невольно подумал о Пушине: «Наверное, ты сейчас тоже ждёшь. Потерпи ещё немного».

Дорога снова звенела под ногами, будто была рада, что её больше никто не заставляет молчать. Кот шагал впереди неожиданно быстро. Даже пятая лапа несколько раз сердито постучала его по боку, словно говоря: «Не спеши. Дорога всё равно приведёт».

— Мы торопимся? — спросил Марк.

— Конечно.

— Почему?

— Потому что некоторые неприятности любят ждать.

— А некоторые?

— А некоторые не любят.

Марк вздохнул:

— Иногда мне кажется, что ты специально отвечаешь так, чтобы ничего не стало понятнее.

— Конечно.

— Почему «конечно»?

— Потому что ты начинаешь привыкать к Бредогорье.

Марк хотел возразить, но вдруг услышал впереди странный звук. Будто кто-то очень тихо хихикнул. Он остановился.

— Слышал?

Кот тоже остановился. Навострил уши. Пятая лапа осторожно поднялась над головой, словно прислушиваясь.

И снова. Тихое, почти неуловимое:

— Хи..

Потом ещё одно:

— Ха..

И снова тишина.

— Это кто? — шёпотом спросил Марк.

Кот посмотрел вперёд. Улыбка исчезла.

— Похоже.. мы почти пришли.

Лес неожиданно расступился. Перед ними открылась большая круглая поляна. На первый взгляд — самая обычная. Только почему-то на ней совсем не росли цветы. Зато весь мох был усыпан крошечными прозрачными осколками. Они переливались всеми цветами радуги.

Одни лежали между травинками. Другие свисали с грибов. Третьи покачивались на ветках кустов, словно маленькие стеклянные капли. Когда ветер осторожно касался их, над поляной раздавались едва слышные смешки. Совсем короткие. Будто каждый осколок помнил только один кусочек большого смеха.

Марк долго смотрел на поляну.

— Красиво..

— Очень, — тихо ответил Кот.

— Что это?

Кот помолчал, потом сказал:

— Когда-то здесь рассмеялся весь лес. Так громко.. так счастливо.. что смех стал настоящим. А потом случилось что-то очень грустное. И он.. разбился.

Марк снова посмотрел на прозрачные осколки. Теперь ему казалось, что каждый из них действительно хранит в себе чей-то маленький смех.

— Смех.. может разбиться?

Кот посмотрел на него так, словно удивился самому вопросу:

— Конечно, в Бредогорье почти всё может разбиться. Особенно то, что очень дорого.

Он осторожно ступил на поляну. И вдруг где-то совсем рядом раздалось возмущённое:

— Осторожнее!

Марк вздрогнул. Голос донёсся прямо из-под ног.

— Осторожнее! — снова донёсся голосок.

Марк поспешно отдёрнул ногу. Из-за мха медленно выкатился маленький голубой осколок. Он был прозрачный, как льдинка, и внутри него всё время кто-то тихонько хихикал.

Осколок сердито покачался из стороны в сторону:

— Чуть не наступил.

— Прости, — быстро сказал Марк. — Я тебя не заметил.

— Вот именно.

— Что именно?

— Не заметил, — голубой осколок вздохнул. — Все сначала не замечают. Потом наступают. Потом извиняются. Очень утомительная последовательность.

Из-за гриба выглянул второй осколок. Розовый. Круглый. Он подпрыгивал на месте так быстро, что казалось, будто ему трудно стоять спокойно.

— Наступил?

— Почти.

— Жалко.

— Почему жалко?

— Тогда можно было бы немного поворчать, — он мечтательно вздохнул. — Я люблю поворчать.

— Не любит он, — проворчал голубой. — Он жить без этого не может.

— Могу.

— Не можешь.

— Могу.

— Не можешь.

Марк неожиданно улыбнулся. Осколки одновременно повернулись к нему.

— Ты чего?

— Ничего..

— Нет, — сказал розовый. — Люди просто так не улыбаются.

Из высокой травы показался третий осколок. Зелёный. Самый маленький. Он выглядывал очень осторожно, словно заранее ожидал, что сейчас случится что-нибудь неприятное.

— А вдруг он опять пришёл собирать? — тихо спросил зелёный.

Розовый сразу перестал подпрыгивать. Голубой нахмурился. Даже ветер будто стал тише.

— Кто? — спросил Марк.

Несколько секунд никто не отвечал. Потом голубой негромко сказал:

— Один уже приходил.

— И что?

— Хотел сделать из нас.. — он поморщился, — коллекцию.

— «Красивую, между прочим! — передразнил розовый писклявым голосом. — Будете лежать по цветам. Под стеклом».

— Как бабочки, — тихо добавил зелёный.

Марк поморщился:

— Но это же.. — он не сразу нашёл слово, — грустно.

— Конечно, грустно, — кивнул голубой. — Мы ведь не стекляшки.

— Мы смех.

Розовый важно добавил:

— Просто.. немножко разбившийся.

После этих слов над поляной снова стало очень тихо. Марк посмотрел вокруг. Теперь он видел уже не красивые прозрачные камешки. Он видел сотни маленьких смешков. Каждый жил сам по себе. Каждый был один.

И вдруг он понял, почему на поляне так тихо. Смеяться по одному.. совсем не получается.

Марк долго смотрел на прозрачные осколки. Каждый был красив по-своему. Каждый тихонько переливался на солнце. Но вместе они почему-то казались очень одинокими.

Он осторожно присел на корточки так, чтобы оказаться почти одного роста с маленькими смешинками. Несколько секунд никто не произносил ни слова. Только ветер осторожно перебирал траву. Иногда он касался какого-нибудь осколка, и тогда над поляной раздавалось короткое «хи..» или «ха..». Будто каждый помнил всего один кусочек большого смеха.

Наконец Марк тихо спросил:

— А почему вы не соберётесь снова?

Голубой осколок качнулся:

— Если бы всё было так просто..

Розовый подпрыгнул было, но тут же опустился обратно. Даже он почему-то не стал шутить. Зелёный совсем спрятался за травинку.

— Мы пробовали, — едва слышно сказал он.

— Правда?

Голубой кивнул:

— Один раз.

— И что случилось?

Несколько секунд осколки молчали. Потом ответил розовый. Совсем другим голосом. Не звонким. Не весёлым. Очень тихим:

— Не получилось.

— Почему?

— Потому что.. мы уже были не те.

Марк нахмурился:

— Не понимаю.

Голубой медленно повернулся к нему:

— Когда разбивается чашка.. её можно склеить. — Он немного помолчал. — Когда разбивается окно.. тоже можно. — Ветер снова качнул траву, и прозрачные осколки едва слышно звякнули. — А когда разбивается смех.. каждый осколок запоминает тот самый миг, когда стало больно.

Зелёный ещё сильнее спрятался за травинку:

— С тех пор.. мы боимся снова стать одним смехом.

— Почему?

— А вдруг.. опять закричат: «Хватит».

Последнее слово прозвучало почти шёпотом. Будто само оно до сих пор причиняло боль. Марк почувствовал, как внутри что-то сжалось. Перед глазами неожиданно возник Пушин. Щенок тоже ждал. Наверное, он тоже боялся, что его снова оставят одного.

— Кто сказал «хватит»? — спросил Марк.

Осколки одновременно покачали головами:

— Не помним.

— Очень давно было.

— Помним только.. что сначала смеялись все. Очень громко. Очень счастливо. А потом.. кто-то закричал: «Хватит». И наступила тишина.

Марк долго смотрел на маленькие прозрачные смешинки. Потом вдруг сказал:

— Мне кажется.. смех разбился не потому, что кто-то произнёс это слово.

Три осколка удивлённо повернулись к нему:

— А почему тогда?

Марк задумался. Потом очень медленно ответил:

— Потому что.. после этого никто больше не решился рассмеяться первым.

На поляне стало так тихо, что было слышно, как ветер шевелит лоскутное небо. Даже Кот перестал помахивать хвостом. Пятая лапа медленно положила ладошку ему на плечо.

Кот посмотрел сначала на Марка, потом — на осколки, и негромко сказал:

— Звоночек.. По-моему.. ты сейчас понял что-то очень важное.

Марк опустил глаза:

— Мне кажется.. когда кто-то перестаёт смеяться первым.. остальные тоже начинают думать, что, наверное, уже нельзя.

Никто не ответил. Но голубой осколок вдруг перестал хмуриться. Розовый впервые за всё время не подпрыгнул, а просто внимательно смотрел на Марка. А зелёный сделал к ним маленький-маленький шаг. Почти незаметный, но настоящий.

Марк долго молчал. Он смотрел на три маленьких осколка. На голубого. На розового. На зелёного. Потом тихо сказал:

— А можно.. я расскажу вам один случай?

Розовый пожал плечами:

— Почему нельзя?

Голубой строго посмотрел на него:

— Не говори при нас это слово.

Розовый виновато ойкнул:

— Точно.. Извините.

Марк улыбнулся:

— Это случилось летом. Мы с папой запускали воздушного змея.

— Большого? — сразу спросил зелёный.

— Очень.

— Красивого?

— Самого красивого. Он был красный, с длинным зелёным хвостом. И сначала всё получалось. — Марк говорил медленно, не стараясь быть смешным. Он просто вспоминал. — Ветер подхватил змея. Он поднялся так высоко, что мне казалось — ещё немного, и он заденет облака. Папа сказал: «Держи крепче!», а я сказал: «Сам держи!» Потому что он всё время тянул верёвку на себя.

Розовый тихонько хихикнул. Совсем чуть-чуть. Марк продолжил:

— Потом змей вдруг решил, что он самолёт. Сделал круг, потом ещё один. А потом.. — Марк сам начал улыбаться. — Почему-то полетел прямо в огромную лужу.

— Попал? — ахнул зелёный.

— Ещё как. Со всего размаха. Брызги разлетелись во все стороны. Папа хотел его поймать.. но поскользнулся. И.. сел прямо в эту лужу.

Розовый не выдержал:

— Плюх?!

— Плюх.

— В настоящую?

— В самую настоящую.

Розовый прыснул. Голубой попытался сохранить серьёзное лицо, но уголок его прозрачной грани чуть заметно дрогнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.